

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

Марина Ивановна Цветаева

Автобус

Серия «Поэмы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175870

*Марина Цветаева. Собрание сочинений в 7 томах. Том 3. Книга 1.
Поэмы. Поэмы – сказки: Терра, «Книжная Лавка – РТР»; Москва; 1997
ISBN 5-300-01389-7, 5-300-01284-X*

Аннотация

Марина Ивановна Цветаева (1892 – 1941) – великая русская поэтесса, творчеству которой присущи интонационно-ритмическая экспрессивность, парадоксальная метафоричность.

Марина Цветаева

Автобус

Препонам наперерез
Автобус скакал как бес.
По улицам, уже сноски,
Как бес оголтелый неся
И тряся, как зал, на бис
Зовущий, – и мы тряслись —
Как бесы. Видал крупу
Под краном? И врозь, и вкупе —
Горох, говорю, в супу
Кипящем! Как зёрна в ступе,
Как вербный плясун – в спирту,
Как зубы в ознобном рту!

Кто – чем тряслись: от тряси
Такой – обернувшись люстрой:
Стеклярусом и костями —
Старушка, девица – бюстом
И бусами, мать – грудным
Ребенком, грудной – одним
Упитанным местом. Всех
Трясло нас, как скрипку – трелью!
От тряса родился – смех,

От смеху того – веселье
Безбожно-трясомых груш:
В младенчество впавших душ.

Я – в юность: в души восторг!
В девичество – в жар тот щёчный:
В девчончество, в зубный свёрк
Мальчишества, словом
– точно
He за город тот дударь
Нас мчал – а за календарь.

От смеха рождалась лень
И немощь. Стоять не в силах,
Я в спутнический ремень
Товарищески вцепилась.

Хоть косо, а напрямик —
Автобус скакал, как бык
Встречь красному полушалку.
Как бык ошалелый, мчался,
Пока, описавши крюк
Крутой, не вкопался вдруг.

...И лежит, как ей повелено —
С долами и взгорьями.

Господи, как было зелено,
Голубо, лазорево!

Отошла январским оловом
Жизнь с ее обидами.

Господи, как было молодо,
Зелено, невиданно!

Каждую жилою – как по желобу —
Влажный, тревожный, зеленый шум.
Зелень земли ударяла в голову,
Освобождала ее от дум.

Каждую жилою – как по желобу —
Влажный, валежный, зеленый дым.
Зелень земли ударяла в голову,
Переполняла ее – полным!

Переполняла теплом и щебетом —
Так, что из двух ее половин
Можно бы пьянствовать, как из черепа
Вражьего – пьянствовал славянин.

Каждый росток – что зеленый розан,
Весь окоём – изумрудный сплав.
Зелень земли ударяла в ноздри

Нюхом – *так* буйвол не чует трав!

И, упразднив малахит и яхонт:

Каждый росток – животворный шприц

В око: – *так* сокол не видит пахот!

В ухо: – *так* узник не слышит птиц!

Позеленевшим, прозревшим глазом

Вижу, что счастье, а не напасть,

И не безумье, а высший разум,

С трона сшед – на четвереньки пасть...

Пасть и пасть, зарываясь носом

В траву – да был совершенно здрав

Тот государь Навуходоносор —

Землю рыв, стебли ев, траву жрав —

Царь травоядный, четвероногий,

Злаколюбивый Жан-Жаков брат...

Зелень земли ударяла в ноги —

Бегом – донес бы до самых врат

Неба...

– Все соки вобрав, все токи,

Вооруженная, как герой...

– Зелень земли ударяла в щеки

И обращивалась – зарей!

Боже, в тот час, под вишней —
С разумом – что – моим,
Вишенный цвет помнившей
Цветом лица – своим!

Лучше бы мне – под башней
Стать, не смешить юнца,
Вишенный цвет принявши
За своего лица —

Цвет...

“Седины”? Но яблоня – тоже
Седая, и сед под ней —
Младенец...
Всей твари Божьей
(Есть рифма: бедней – родней) —

От лютика до кобылы —
Роднее сестры была!
Я в руки, как в рог, трубила!
Я, кажется, прыгала?

Так веселятся на карусели

Старшие возрасты без стыда:
Чувствую: явственно порусели
Волосы: проседи – ни следа!

Зазеленевшею хворостиной
Спутника я, как гуся, гнала.
Спутника белая парусина
Прямо-таки – паруса была!

По зеленым, где земля смеялась, —
Прежде была – океана дном! —
На парусах тех душа сбиралась
Плыть – океана за окоём!

(Как топорщился и как покоился
В юной зелени – твой белый холст!)
Спутник в белом был – и тонок в поясе,
Тонок в поясе, а сердцем – толст!

Не разведенная чувством меры —
Вера! Аврора! Души – лазурь!
Дура – душа, на какое Перу
Не уступалось – души за дурь?

Отяжелевшего без причины
Спутника я, как дитя, вела.

Спутницы смелая паутина
Прямо-таки – красота была!

И вдруг – огромной рамой
К живому чуду – Аз—
Подписанному – мрамор:
Ворота: даль и глаз

Сводящие. (*В сей рамке*
Останусь вся – везде.)
Не к ферме и не к замку,
А сами по себе —

Ворота... Львиной пастью
Пускающие – свет.
– Куда ворота? – В счастье,
Конечно! – был ответ

(Двойной)...

Счастье? Но это же там, – на Севере —
Где-то – когда-то – простыл и след!
Счастье? Его я искал в клевере,
На четвереньках! четырех лет!

Четырехлистником! В полной спорности:

Три ли? Четыре ли? Полтора?
Счастье? Но им же – коровы кормятся
И развлекается детвора

Четвероногая, в жвачном обществе
Двух челюстей, четырех копыт.
Счастье? Да это ж – ногами топчется,
А не воротами предстоит!

Потом была колода —
Колодца. Басня – та:
Поток воды холодной
Колодезной – у рта —

И мимо. Было мало
Ей рта, как моря – мне,
И всё не попадала
Вода – как в странном сне,

Как бы из вскрытой жилы
Хлеща на влажный зём.
И мимо проходила
Вода, как жизни – сон...

И, утеревши щеки,
Колодцу: – Знаю, друг,

Что *сильные* потоки —
Сверх рта и мимо рук

Идут!..

* * *

И какое-то дерево облаком целым —
– Сновиденный, на нас устремленный обвал...
“Как цветная капуста под соусом белым!” —
Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.

Этим словом – гуда громовее, чем громом
Пораженная, прямо сраженная в грудь:
– С мародером, с вором, но не дай с гастрономом,
Боже, дело иметь, Боже, в сене уснуть!

Мародер оберет – но лица не заденет,
Живодер обдерет – но душа отлетит.
Гастроном ковырнет – отщипнет – и оценит —
И оставит, на дальше храня аппетит.

Мои кольца – не я: вместе с пальцами скину!
Моя кожа – не я: получай на фасон!
Гастроному же – мозг подавай, сердцевину
Сердца, трепет живья, истязания стон.

Мародер отойдет, унося по карманам —
Кольца, цепи – и крест с отдышавшей груди.
Зубочисткой кончаются наши романы
С гастрономами.
Помни! И в руки – *нейди!*

Ты, который так царственно мог бы – любимым
Быть, бессмертно-зеленым (подобным плющу!) —
Неким цветно-капустным пойдешь анонимом
По устам: за цветущее дерево – мщу.

Апрель 1934 – июнь 1936